

МИЛА РОМАН

**РАЗВЕДЁНКА?**  
**ЗВУЧИТ ГОРДО**

# Мила Роман

## Разведенка? Звучит гордо.

*<https://litres.ru/74564692>*

*SelfPub; 2026*

### Аннотация

Она четырнадцать лет была идеальной женой: гладила рубашки, готовила завтраки именно так, как любит муж, растила дочь, тянула на себе весь быт — и искренне верила, что это и есть счастье. А он просто выбрал другую, молодую и красивую. За что? Как теперь жить?

А оказалось что жизнь после развода есть, да еще и какая.

# Содержание

|                                    |    |
|------------------------------------|----|
| Глава 1. Почему?                   | 4  |
| Глава 2. Ты здесь больше не живешь | 13 |
| Конец ознакомительного фрагмента.  | 23 |

# Мила Роман

## Разведенка? Звучит гордо.

### Глава 1. Почему?

Елена Николаевна Сажина сидела за столом в тишине, которая казалась оглушительной. Экран ноутбука светился холодным голубым светом, выхватывая из темноты её лицо — уставшее, заплаканное, с размазанной под глазами тушью.

Часы на стене показывали половину второго ночи. Дочь давно спала в своей комнате, за плотно закрытой дверью, и Лена радовалась хотя бы этому — что Арина не видит мать такой, растёкшейся, будто восковая фигура, оставленная слишком близко к огню.

Сообщение пришло два часа назад. Она перечитала его, наверное, раз тридцать, будто надеялась, что буквы вдруг перестроятся в другие слова, менее страшные.

В сообщении коллега ее мужа Карина писала о том, что они с ее мужем, ЕЕ мужем, уже давно вместе и любят друг друга.

К сообщению были приложены фотографии. На одной Костя стоял на набережной, обнимая молодую девушку за плечи, и улыбался — той самой улыбкой, которую Лена помнила из их первых лет, когда он ещё смотрел на неё так, буд-

то она была единственным человеком на земле. На другой фотографии они целовались у входа в какой-то ресторан, и по расфокусированному свету фонарей было понятно: снимок сделан вечером, самой Кариной — на вытянутой руке, чтобы поймать этот момент навсегда.

Лена смотрела на эту улыбку мужа и чувствовала, как внутри неё что-то ломается — тихо, без треска, просто обрывается, как перетёршаяся годами нить.

Она открыла страницу Карины в социальных сетях — не смогла удержаться. Знала, что будет больше, но не смогла. Пролистала фотографии: Карина на пляже в открытом купальнике, загорелая, стройная, с идеально уложенными светлыми волосами. Карина на вечеринке, в облегающем платье, смеющаяся, запрокинув голову. Карина в спортзале, с гантелями в руках, подпись под фото — «Люблю своё тело, люблю свою жизнь».

Лена посмотрела на своё отражение в зеркале рядом со шкафом. Оттуда на неё глянула женщина в растянутой футболке, с волосами, собранными в неряшливый пучок, с уставшими, потухшими глазами, кругами под глазами. Тридцать пять лет — а выглядит на все сорок пять, подумала она с горечью. Когда она последний раз стриглась? В сентябре? В августе? Она даже не могла вспомнить точно.

«Когда ты в последний раз делала себе маникюр, Лена? — спросила она сама себя мысленно, глядя на собственные короткие, неровно обкусанные ногти. — Когда в последний

раз покупала себе новую кофту, а не выбирала между двумя одинаковыми в масс-маркете, потому что нужно было ещё Арине купить форму для физкультуры?» Про косметолога она даже не думала. Некогда было. Работа, быт.

Она вспомнила, как четырнадцать лет назад, в день свадьбы, мама наряжала её перед зеркалом, поправляя фату, и говорила: «Костик — хорошая партия, доченька. Порядочный, надёжный, из хорошей семьи. Ты столько лет с ним росла бок о бок — считай, что вам сама судьба велела». Тогда Лена ещё не знала, что такое настоящая любовь — она просто слушала маму, как всегда. Она всегда росла с мыслью, что мама мудрая. Мама лучше знает. И привыкла быть послушной дочерью. Поэтому поступила на бухучет. Скучно, но полезно, как говорила мама. Всегда будешь при работе. И замуж выходила, потому что мама так сказала. Лена верила, что если человек хороший и рядом, то любовь непременно придёт следом, как приходит тепло вслед за весенним солнцем. И она действительно пришла, эта любовь, — тихая, спокойная, без надрыва, но настоящая. Первые годы они жили душа в душу: маленькая съёмная квартира, смех по вечерам, планы на будущее, мечты о собственном доме.

А потом родилась Арина. И началась совсем другая жизнь — бесконечная стирка распашонок, ночные кормления, работа, домашние дела, снова работа. Костя тогда только начал свой бизнес, вечно пропадал на встречах, вечно уставший приходил домой поздно — и Лена, как хорошая жена,

как хорошая мать, брала всё на себя, не жалуясь, не требуя, просто делая. Из хорошей дочери она превратилась в хорошую жену и мать. Сначала было тяжело физически, но морально — не так уж. Она верила: пройдёт время, дочка подрастёт, бизнес встанет на ноги, и они снова заживут, как в первые годы, снова будут смеяться вечерами и держаться за руки, гуляя по набережной.

Время прошло. Дочка подросла. Бизнес встал на ноги — Костя хорош зарабатывал, разрабатывал программное обеспечение для крупных клиентов. А смех по вечерам так и не вернулся.

Лена вспомнила последний раз, когда пыталась приблизиться к нему физически — недели три назад, вечером, когда Арина уже спала. Она подошла сзади, обняла его за плечи, прижалась щекой к спине, как делала это много лет назад.

— Костик, — прошептала она тогда, — может, проведем время вместе, только ты и я?

Он не обернулся, продолжая печатать что-то на телефоне.

— Лен, я устал очень, — сказал он, не глядя на неё. — Завтра важная презентация, мне нужно выспаться.

Она тогда отступила, проглотив разочарование, как проглатывала его уже сотни раз за последние годы. «Он много работает, — говорила она себе, — он устаёт, это нормально, у всех так в браке через столько лет». Она даже не позволила себе задуматься, что «завтра важная презентация» повторялось слишком часто, что усталость стала постоянным его

состоянием исключительно рядом с ней, а не с работой, не с друзьями, не — теперь она это понимала — с Кариной.

Полгода. Карина написала, что они вместе полгода. Действительно, его командировки участились именно за последние полгода. Полгода она, дура набитая, верила каждому его слову, каждой отговорке про срочные проекты в других городах, про необходимость личных встреч с клиентами. Полгода она собирала ему чемодан, гладила рубашки, целовала на прощание у двери, а он уезжал к другой женщине — молодой, яркой, свободной от быта и рутины, — и возвращался к ней, уставшей, обесцвеченной этим бытом до полной прозрачности.

Слёзы снова покатались по щекам, и Лена вытерла их рукавом растянутой футболки — той самой, в которой обычно спала, потому что покупать себе новую пижаму казалось слишком неудобно, все время находились более важные дела, чем она сама.

«Как я могла не замечать? — думала она, глядя на экран ноутбука, где всё ещё светилась проклятая переписка. — Как я могла быть такой слепой дурой?»

Ее накрывала другая, более разрушительная мысль: «А может, это я виновата? Может, если бы я следила за собой лучше, если бы не запустила себя так сильно за эти годы, он бы не ушёл к другой?»

Она снова посмотрела на своё отражение. Провела рукой по лицу, ощупывая мелкие морщинки у глаз, которых не за-

мечала раньше. Оттянула кожу на животе — мягкую, дряблую после родов, так и не восстановившуюся полностью, потому что на спортзал никогда не было ни времени, ни, чего уж там, желания — усталость съедала любое желание что-либо делать для себя. Ведь она взяла на себя весь быт.

«Ну не так уж всё и плохо, — попыталась она убедить себя, разглядывая своё отражение придирчивым, безжалостным взглядом. — Многие женщины в тридцать пять выглядят и похуже». Но эта мысль не принесла никакого облегчения — наоборот, внутри снова всколыхнулась горькая обида: неужели из-за того, что она чуть-чуть, самую малость запустила себя, пока разрывалась между домом, работой и ребёнком, муж пошёл на измену? Неужели четырнадцать лет её заботы, её бесконечной, самозабвенной отдачи семье стоят так мало, что их можно перечеркнуть одним красивым молодым телом?

Она каждое утро готовила ему завтрак — вставала на сорок минут раньше будильника, чтобы успеть пожарить яичницу именно так, как он любит, с хрустящими краешками, сварить кофе именно той крепости, которую он предпочитал. Она гладила его рубашки поздно вечером, после того как проверяла её домашние задания Арины, после того как убирала кухню, после того как все уже ложились спать. А эти бесконечные вечера в машине, отвозя дочь то на танцы, то на английский, то к репетитору по математике, пока Костя «задерживался на работе».

«Неужели я недостаточно старалась? — думала она, и обида поднималась в груди тугим, душным комом. — Разве я была плохой женой? Плохой матерью? Я отдала этому браку всю себя без остатка, а он просто взял и выбросил меня, как использованную вещь, заменил на новую, более красивую». Боль и обида разрывали ее.

Она поднялась из-за стола резко, оттолкнув стул так, что тот с грохотом отъехал по полу. Слёзы уже не текли — их сменила другая эмоция, горячая, разъедающая, смешанная из обиды, унижения и злости.

Она прошла в спальню, включила верхний свет, безжалостно разгоняя привычный уютный полумрак, и открыла дверцы гардероба. На верхней полке стоял большой чёрный чемодан — тот самый, с которым Костя ездил в свои «командировки». Она сдёрнула его вниз с такой силой, что чуть не упала, отступив на шаг, чемодан с глухим стуком приземлился на пол. Она на секунду остановилась. Вдруг Арина проснулась от шума.

Она открыла его и начала сгребать в него мужнины вещи — сначала методично, потом всё быстрее и быстрее, будто выполняя какую-то отчаянную, лихорадочную работу, которая только и могла заглушить бурю внутри. Рубашки, сложенные когда-то её же заботливыми руками. Свитера. Брюки. Она выдернула из шкафчика в ванной его бритвенный набор, зубную щётку, флакон дорогого одеколona — того самого, что она подарила ему на прошлый день рождения, на-

ивно надеясь, что этот подарок вернёт хоть немного той искры, что была между ними когда-то. Она швырнула всё это в чемодан, даже не потрудившись завернуть, чтобы не разбилось.

Она достала его туфли из обувницы, сунула их сверху, поверх скомканной одежды. «На первое время хватит», — мелькнула мысль, и в ту же секунду она возненавидела себя за неё. Вот дура. Вот идиотка. Муж изменял ей столько времени, а она всё равно думает о том, будет ли ему удобно, хватит ли ему вещей на первое время. Даже сейчас, в момент, когда весь её мир рушился, она продолжала заботиться о нём, продолжала быть той самой хорошей, услужливой женой, которую он так легко предал.

Она со злостью навалилась на крышку чемодана коленом, с трудом застёгивая молнию поверх выпирающих вещей, и потащила его к входной двери, оставив у самого порога — там, где Костя не сможет его не заметить, когда войдёт завтра утром.

Завтра он должен был вернуться из очередной «командировки». Теперь ей было абсолютно ясно, куда и к кому он на самом деле ездил все эти месяцы.

Она вернулась в спальню, легла на свою половину кровати — привычно на самый край, будто всё ещё боялась потревожить спящего рядом мужа, хотя постель эту ночь пустовала. Подушка пахла его одеколоном — она не могла отделаться от этого запаха, даже уткнувшись лицом в собственную по-

душку. Она схватила его подушку и бросила на пол. Легче не стало.

Страх накатывал волнами — страх перед завтрашним утром, перед разговором, который неизбежно должен был случиться, перед той новой, неизвестной жизнью, что откроется за порогом этой квартиры после того, как за мужем закроется дверь. Она не знала, как жить дальше. Не знала, кем ей теперь быть, если не «хорошей женой Кости Сажина», если не той ролью, вокруг которой она выстраивала всю свою взрослую жизнь с самого дня свадьбы.

«Моя жизнь сломалась, — думала она, чувствуя, как веки наконец тяжелеют от многочасовой бессонницы и выплаканных слёз. — Сломалась».

С этой мыслью, тяжёлой, как могильная плита, она провалилась в тревожный, рваный сон, так и не подозревая, что где-то там, за горизонтом этой чёрной, беспросветной ночи, начинается совсем другая история — история о женщине, которая, потеряв всё, что, как ей казалось, составляло смысл её существования, найдёт в себе то, о существовании чего давно забыла: саму себя.

## Глава 2. Ты здесь больше не живешь

Лена открыла глаза за секунду до будильника — то самое пробуждение, знакомое каждой матери: организм сам знает время, минута в минуту. Она лежала неподвижно, глядя в потолок, и первые несколько секунд в голове было пусто, безмятежно, как бывает только в самом начале дня, когда сознание ещё не успело подключиться к реальности.

А потом подключилось.

Всё разом навалилось на неё — экран ноутбука, светящийся в темноте, фотографии, улыбка Кости на них, чемодан у двери. Она даже зажмурилась на мгновение, по-детски, будто это могло стереть память о минувшей ночи, вернуть время назад, в тот момент, когда телефон ещё молчал, а она сама ещё не знала.

«Может, приснилось, — мелькнула нелепая, отчаянная мысль. — Может, я просто очень плохо спала, и всё это было кошмаром».

Она резко поднялась, почти рывком, и босиком прошла в коридор. Чемодан стоял там же, где она его оставила, — чёрный, набитый до отказа, с чуть перекошенной молнией. Не приснилось. Всё это правда было.

Она стояла над ним несколько долгих секунд, будто наде-

ясь, что вид этого чемодана поможет ей хоть немного осмыслить произошедшее, — но вместо ясности пришла лишь новая волна дурноты, подкатившая к горлу вместе с тошнотворным, вязким ощущением нереальности. Как будто вся её жизнь за одну ночь превратилась в чужой, плохо срежиссированный фильм, а она из главной героини стала лишь зрителем, беспомощно наблюдающим со стороны.

Из комнаты дочери донеслись шаги — лёгкие, торопливые, как всегда по утрам перед школой. Лена вздрогнула, будто её застали за чем-то постыдным, и метнулась на кухню — привычным, отработанным годами движением, спасаясь от собственных мыслей единственным доступным ей способом: делом.

Она поставила чайник, достала сковородку, машинально потянулась к холодильнику за яйцами и беконом — теми самыми, что жарила мужу каждое утро уже четырнадцать лет, — и только взяв упаковку в руки, замерла, глядя на неё так, будто видела впервые.

«Зачем? — подумала она с внезапной, острой злостью. — Зачем я до сих пор думаю о том, что он любит на завтрак?»

Она убрала бекон обратно в холодильник, достала овсянку — ту самую, что они с Ариной любили, но готовили редко, потому что «папа не ест кашу по утрам, ему нужно что-то посытнее». Руки слегка дрожали, когда она насыпала хлопья в кастрюлю, и это дрожание почему-то отозвалось в ней не слабостью, а странным, почти пьянящим ощущением —

будто она впервые за много лет сделала что-то только для себя и дочери, наперекор привычке, наперекор чужим предпочтениям.

Арина вошла на кухню в школьной форме, с растрёпанными после сна волосами, и сразу же остановилась в дверях, глядя на мать настороженным, не по-детски внимательным взглядом.

— Мам, что это за чемодан у двери? Мы уезжаем?

Голос дочери прозвучал ровно, буднично, но Лена уловила в нём едва заметную тревогу — тот особый тон, каким дети чувствуют неладное задолго до того, как взрослые находят в себе силы это неладное произнести вслух.

— Нет, мы остаёмся, — сказала Лена, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, хотя внутри всё сжималось от предчувствия неизбежного разговора. — А папа уезжает.

— Опять командировка? — Арина плюхнулась на стул, потянувшись за чашкой. — Он же ещё даже вернуться не успел...

— Нет. Он уезжает насовсем.

Ложка звякнула о край чашки — Арина замерла на полудвижении, глядя на мать широко раскрытыми глазами.

— В смысле насовсем? Он что, нас бросает? Вы разводитесь? Этого ещё не хватало...

Лена почувствовала, как к горлу подкатывает горячий, душный ком. Она села напротив дочери, стиснула руки на коленях, чтобы унять дрожь.

— Арин, я не знаю, — сказала она тихо. — Я сама уже ничего не понимаю. Папа мне изменил. У него давно другая женщина.

Она замолчала на мгновение, собираясь с духом, прежде чем закончить фразу, которую ещё вчера не могла бы себе представить произносящей вслух собственной тринадцатилетней дочери:

— Как мне теперь с ним жить?

Арина застыла — Лена видела, как меняется её лицо: недоверие, потом шок, потом что-то похожее на злость, промелькнувшее в уголках плотно сжатых губ.

— Да ладно, — выдохнула она наконец, обхватив руками колени, забравшись на стул с ногами, как делала это ещё маленькой, когда искала опору в чём-то знакомом, привычном. — Погоди. А как ты узнала? Ты их застукала? Или он сам сказал?

— Его новая... — Лена запнулась, не находя подходящего слова, — женщина написала мне вчера. Прислала сообщение и фотографии. Как доказательство.

— А ну-ка покажи, — потребовала Арина, требовательно протягивая руку за телефоном.

— Арин, тебе не стоит в это лезть, — попыталась остановить её Лена. — Это наши с папой дела.

— Мам, — Арина посмотрела на неё с той взрослой прямотой, что иногда пугала Лену в собственной дочери, — я уже не маленькая. А вдруг фотки поддельные? Сейчас за па-

ру минут такое можно слепить — хочешь, сделаю из тебя любовницу английской королевы? Какие у вас там в молодости актёры популярны были?

Лена невольно всхлипнула — не то от горя, не то от неожиданного, нелепого смеха сквозь слёзы, — и в этом всхлипе была вся боль последних суток, смешанная с абсурдностью происходящего.

— Ты думаешь, это может быть подделкой? — спросила она с внезапной, отчаянной надеждой, цепляясь за эту мысль, как утопающий за соломинку. — Но зачем? Зачем это кому-то нужно?

— Может, я зря так поторопилась? — добавила она уже совсем тихо, почти шёпотом, и в этом шёпоте прозвучала вся её многолетняя привычка искать оправдания для мужа прежде, чем для себя.

— Сначала надо с папой поговорить, — рассудительно сказала Арина. — Мало ли.

Лена смотрела на дочь и не переставала удивляться — откуда в ней столько хладнокровия, столько взрослой рассудительности? Видно было, конечно, что она переживает — пальцы теребили край рукава рубашки, голос звучал чуть напряжённее обычного, — но она держалась, собранная, спокойная, будто это не её мир только что дал трещину.

«Молодец девчонка, — подумала Лена с горьким, смешанным чувством гордости и стыда за собственную беспомощность. — Не то, что я. Расклеилась совсем, ни на что не

годна. А ведь мне бы держаться, мне бы быть примером».

— Ты права, — сказала она, вытирая глаза тыльной стороной ладони. — Сначала поговорим. Дай мне десять минут — завтрак будет готов.

Она снова повернулась к плите, к спасительной, привычной рутине, и на мгновение поймала себя на том, что рука снова тянется к холодильнику, к бекону, — привычка оказалась сильнее разума. Но в последний момент она отдернула руку, впервые за долгие годы сознательно отказавшись приготовить мужу его любимый завтрак.

Странное чувство поднялось в груди — не радость, нет, слишком рано было для радости, — но что-то похожее на маленькую, робкую вспышку освобождения. Крошечную, едва заметную, но настоящую.

Они уже заканчивали завтракать, когда в замке повернулся ключ.

Лена вздрогнула всем телом — так резко, что кофе выплеснулся из чашки на клеёнку. Она вскочила, инстинктивно оправляя футболку, приглаживая волосы, будто всё ещё, даже сейчас, после всего, хотела произвести на него хорошее впечатление, — и тут же возненавидела себя за этот рефлекс.

Дверь открылась, и на пороге появился он.

Костя вошёл так же, как входил тысячу раз до этого, — устало, буднично, не глядя по сторонам, — и Лена почувствовала, как вся боль минувшей ночи разом обрушивается на неё снова, ещё острее, ещё невыносимее, чем прежде.

Слёзы мгновенно навернулись на глаза, хотя всю ночь она клялась себе, что не заплачет перед ним — ни за что, ни при каких обстоятельствах.

Костя посмотрел на чемодан у двери и застыл.

— Что это такое? — спросил он, и в голосе его прозвучало искреннее недоумение, будто он видел этот чемодан впервые в жизни. — Что это значит?

— Это твои вещи, — сказала Лена, и сама удивилась тому, как твёрдо, как неожиданно ровно прозвучал её голос, хотя внутри всё дрожало, разрывалось на части. — Ты здесь больше не живёшь.

Он удивлённо взглянул на неё, будто оценивая, насколько серьёзны её слова.

— О чём ты? Плохо спала?

Эта фраза — небрежная, равнодушная, будто речь шла о какой-то мелкой семейной размолвке, — стала последней каплей.

— Да, плохо спала, — голос её сорвался, дыхание перехватило. — Потому что твоя ненаглядная вчера вечером прислала мне ваши фотографии. С командировки. Весёлые такие фотографии.

Слёзы наконец потекли, вопреки всем её клятвам, но она уже не пыталась их сдержать — в глубине души она всё ещё цеплялась за последнюю, отчаянную надежду: что сейчас он бросится оправдываться, скажет, что это недоразумение, ошибка, чужая злая шутка, — и тогда можно будет про-

стить, можно будет жить дальше, как раньше.

Костя молчал.

Она смотрела на его лицо — и не находила там ничего. Ни удивления, ни раскаяния, ни малейшего проблеска вины. Ничего. Пустота, ровная и абсолютная, как гладь замёрзшего озера.

«Четырнадцать лет, — мелькнуло у неё в голове, отчаянно, недоверчиво. — Четырнадцать лет вместе — и ничего. Ни единой эмоции».

Он молча подошёл к чемодану, взял его за ручку и развернулся к двери.

— Папа, — голос Арины прозвучал резко, требовательно, — значит, это правда? Ты серьёзно? Как ты мог?

— Арина, не лезь в это, — бросил он через плечо, даже не обернувшись. — Это дела взрослых. С тобой поговорим потом.

Он сделал шаг к двери, и Лена, не выдержав, рванулась следом, охваченная последней, отчаянной вспышкой надежды — что сейчас, в самый последний момент, он остановится, обернётся, скажет хоть что-то, способное всё изменить.

— Я подаю на развод! — крикнула она ему вслед, и в этом крике была вся боль, всё отчаяние, вся её последняя, безумная надежда быть остановленной.

Он остановился в дверном проёме на долю секунды.

— Давно пора, — сказал он равнодушно, холодно, и вышел, закрыв за собой дверь.

Тишина, обрушившаяся следом, оказалась страшнее любого крика.

Лена сползла спиной по двери на пол, закрыла лицо руками, и рыдания, копившиеся в ней всю эту бесконечную ночь, наконец вырвались наружу — громкие, надрывные, сотрясающие всё тело.

«Как же так, — думала она сквозь всхлипы, — что теперь делать? Как теперь жить?»

Арина молча опустилась на пол рядом с ней, обняла её за плечи — не плача, не паникуя, а с той удивительной, взрослой заботой, которой Лена никак не ожидала от своей тринадцатилетней дочери. Она гладила мать по голове, тихо, размеренно, будто убаюкивая.

— Мы справимся, мам, — сказала она тихо. — Мы не первые и не последние, у кого из семьи уходит отец. Помнишь, я рассказывала про Аню из параллельного класса? У них родители тоже развелись, два года назад. Ей было тяжело первое время, очень тяжело. А сейчас у них всё хорошо. Мама у неё вообще расцвела, говорит, что раньше такой счастливой не была.

Она помолчала, а потом добавила, чуть тише:

— И у нас всё будет хорошо. Ты только не плачь, мамочка. Пожалуйста.

Лена подняла голову, посмотрела на дочь сквозь пелену слёз — на её собранное, не по годам серьёзное лицо, на глаза, полные искренней тревоги за мать, — и почувствовала, как

сквозь толщу отчаяния пробивается что-то похожее на благодарность, почти благоговение перед этим маленьким, но таким сильным человеком, которого они с Костей, несмотря ни на что, сумели воспитать.

Арина поднялась, налила в чашку горячей воды, добавила побольше сахара — «от стресса помогает», как она серьёзно пояснила, — и протянула матери, усевшись рядом на полу, прямо у входной двери, будто не желая оставлять её одну ни на секунду.

Они сидели так ещё долго — мать и дочь, две женщины перед лицом одной общей беды, — и Лена, обнимая свою не по

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.